

к 8 р
п 53

Александр Толынкин

«Отец» майора Тронина

10/10

к 8Р
к 83.3(2Р)
П53

Александр Полянкин

«Отец» майора Тронина

(к 100-летию со дня рождения Льва Сергеевича Овалова)

A236038

КРАЕВЕДЕНИЕ
2009

КР-2017

Орел – 2005.

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. И.А. Бунина

УДК 908
ББК 26.891
П 49

П 49 Александр Польшин. «Отец» майора Пронина. (к 100-летию со дня рождения Льва Сергеевича Овалова). – Орел: Издатель А.В. Воробьев, 2005. – 48 с.

Эта книга – популярный очерк о незаслуженно забытом авторе первых советских детективов, Льве Сергеевиче Овалове – отце-создателе знаменитого майора Пронина. Орловчанам будет интересно узнать также подробности о деятельности Овалова на Орловской земле (в селе Успенское Малоархангельского уезда, ныне Покровского района).

УДК 908
ББК 26.891

© Польшин А.М., 2005
© Издатель Воробьев А.В., 2005

5-ОТ-МА-АЛ-ПО

Вступление «Помни обо мне»

Передо мной на столе лежит небольшая книга с желтой обложкой, в центре которой изображен вечерний, в огнях, город. На переднем плане картины стоят, держась за руки, двое — Он и Она. В верхней части обложки, под именем автора, — название опубликованной в 1976 году издательством «Детская литература» повести — «Помни обо мне».

Я медленно, в который уже раз, открываю книгу. На форзаце ее — слева направо, во всю ширину, надпись зеленой шариковой ручкой — «Александр Михайлович Полюнкину — на добрую память. Л. Овалов. 13 мая 1983 года. Москва».

Может быть, это получилось случайно, а может, Лев Сергеевич специально отобрал для подарка земляку книгу с этим названием, но — так или иначе — вот уже более двадцати лет я помню его, писателя земли Орловской, помню, хотя (и это очень странно — А.П.) имя Льва Овалова мистическим образом растворилось среди имен других орловских писателей, растворилось до невидимого состояния, как сахар, в мутном кипятке литературы последних лет.

Имени писателя Овалова нет в обширном «Биографическом словаре «Русские писатели XX века», выпущенном в 2000 году в Москве научным издательством Большой российской энциклопедии (а ведь главным редактором и составителем ее был известный литературовед, профессор А.П. Николаев, среди членов редколлегии — такие известные ученые, писатели, литературные критики, как А. Михайлов и А. Турков — А.П.).

Отсутствует имя Овалова и в 900 страничной хрестоматии «Писатели Орловского края, XX век», выпущенной в

2001 году по решению издательского совета Орловского государственного университета.

Не упомянуто ни одно из произведений Льва Сергеевича, ни один из его персонажей в двухтомной «Энциклопедии литературных героев русской литературы XX века» (издательство «Олимп», Москва, 1998 год).

Можно, правда, вспомнить, что в пятом томе девятитомной «Краткой литературной энциклопедии», выпускавшейся в 60-70ые годы еще в Советском Союзе (том 5 издан в 1968 году) русскому советскому писателю Льву Сергеевичу Овалову посвящено 16 биографических строчек, а еще в трех – названы некоторые из его произведений.

Была статья об Овалове и в биобиблиографическом словаре «Писатели Орловского края», выпущенном в Орле в 1981 году.

Впрочем, сведения о писателе даны там таким суконным, казенным языком, что у нормального читателя пропало бы всякое желание знакомиться с повестями и романами Овалова, которые «рассказывают о становлении характера советского человека, о борьбе за новые производственные и семейные отношения...».

Но даже в советские времена в Большой Советской энциклопедии нашлось место статьям «Овалоиды» и «Овалы» и не оказалось места для нескольких слов о русском советском писателе Льве Овалове.

Сведения о «замкнутых выпуклых поверхностях» (овалоидах) и о «замкнутых выпуклых плоских кривых» (овалах) оказались для составителей БСЭ намного важней, нежели информация об отце – создателе персонажа, имя которого стало нарицательным для обозначения удачливого и много знающего сыщика (я имею в виду, конечно, майора Пронина – А.П.).

После же 1991 года совсем не печатались книги Овалова, не публиковались статьи о нем, а когда писатель умер в Москве, то мало кто из литературного чиновничества заметил это (в орловских газетах, к примеру, не появилось даже

некролога). Лишь в 2000 году в «Просторах России», Евраф Наумов, ветеран орловского землячества в столице, в статье «Кто вы, майор Пронин?», назвал последний день жизни Льва Сергеевича для орловчан — 30 апреля 1997 года.

Чем можно объяснить такое странное невнимание и забытьё по отношению к писателю, имя которого десятилетия было известно любому советскому любителю детективов, с творчеством которого познакомились читатели Греции, Индонезии, Китая, США, Канады, а телезрители Венгрии и Чехословакии смотрели многосерийные телефильмы, снятые по его произведениям?

Неуважением рафинированных интеллигентов к низкому литературному жанру «детектива»?

А чем можно объяснить, что имя автора самого орловского романа, написанного о событиях 20ых годов, происходивших именно на Орловщине, (роман «Двадцатые годы») выскользнуло вдруг из памяти уважаемых профессоров Орловского государственного университета, хотя обширный архив Овалова большей частью находится в фондах Литературного музея им. Тургенева с середины 80ых годов XX века?

Боюсь ошибиться, но, думаю, дело здесь в совершенно обычной (и отвратительной в своей обыденности) российской практике, когда со сменой исторических ориентиров в обществе меняются (в угоду властям или кому-либо еще) на новых бывшие кумиры.

Ничего не имею против имен «возвращенной» поэзии XX века — И. Каллиникова, В. Гальского, Ф. Софронова и А. Софроновой. С большим вниманием прочитал пару лет назад замечательные по эмоциональности стихи поэта — монархиста, ельчанина Сергея Бехтеева.

Однако настоящая литература тем и хороша, что она вечная: она всегда —воспитательница человечности в человеке, независимо от того, в каком веке и в каком обществе он живет.

Думаю, забыли Льва Овалова потому, что посчитали его певцом Советской власти, советского строя, социализма, о

которых после 1991 года большинство историков и писателей говорит если и не с резким осуждением, то уж точно не находит в них чего-то хорошего для примера, нужного в теперешнем обществе: вот Иван Бунин, Борис Зайцев — это да, это шедевры, куда до них какому-то Овалову!

Пусть не обидятся на меня поклонники первого российского нобелевского лауреата в области литературы (я, кстати, люблю и ценю не прозу, а стихи Бунина и его стихотворные переводы, особенно «Поэму о Гайавате» Лонгфелло; кроме того, родом я из деревни Бунино, так что имя это я очень уважаю и ценю — и, тем не менее...).

Ни Иван Бунин, ни Борис Зайцев не участвовали в том, что многие сейчас называют исторической ошибкой — сломе старого русского общества и построении новой, социалистической России. Это не их вина, это их выбор. И я больше не буду говорить далее о них, поскольку мой герой — Лев Овалов, ставший тем самым строителем нового в мировой истории общества.

«Двадцатые годы»

Как он это делал, Лев Сергеевич написал в своем автобиографическом произведении «Двадцатые годы». Поскольку этот роман — во многом знаковое для писателя творение, следует сказать о нем несколько слов.

Еще в 1927 году Овалов подготовил к печати повесть «Славушка», так и оставшуюся неопубликованной, но положившую начало работе писателя над большим произведением по событиям своей жизни.

Один из сюжетов позже отпочковался в самостоятельную повесть «Оперативная карта», а остальные в конце концов сошлись воедино в две книги романа «Двадцатые годы», опубликованного издательством «Молодая гвардия» в 1982 году.

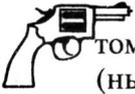
Чуть ранее, в 1968 и 1979 годах 1я и 2я книги романа выходили в издательстве «Советский писатель» по отдельности (1я книга называлась «Ветер над полем», а 2я - «Утренние заморозки»).

Перечитывая роман заново сейчас, спустя более чем двадцать лет и совсем в другой стране, я удивился и поймал себя на мысли, что он, в отличие от многих аналогичных произведений того времени, не потерял ни йоты в читабельности, в ощущении того времени и, самое главное, — в человеческой искренности.

Кроме того, как историк по образованию, я еще раз убедился, как точен Овалов в описании орловской деревни 1918-1923 годов — в описании политики «военного коммунизма» и сменившего его затем НЭПа.

Он сам, 14-летний паренек Лева Шаповалов (это настоящая его фамилия), приехавший с матерью и младшим бра-

том из Москвы в село Успенское Малоархангельского уезда (ныне это село в Покровском районе) оказался в эпицентре политической борьбы в Успенской волости.

По заданию председателя Успенского волисполкома Вукола Шнырева (тот увидел образованность, политическую грамотность приезжего «москвича») Лев Шаповалов создаст в 1919 году одну из первых на Орловщине комсомольских организаций. Комсомольцы приняли активное участие в борьбе с занявшими вскоре Малоархангельский уезд денкинцами, а сам секретарь, пройдя по вражьи тылам, сумел доставить важное донесение одному из руководителей большевиков, члену Военного Совета 13ой Армии Розалии Землячке (о ней потом Овалов напишет повесть «Январские ночи» — для серии «Пламенные революционеры»).

В 1920-ом году Льва Шаповалова, несмотря на его 15 лет, принимают (без кандидатства) сразу в члены РКП(б). Он становится самым молодым коммунистом в Малоархангельском уезде, которому, не задумываясь о его молодости, поручают сложнейшие задания.

Таким стало, к примеру, поручение распределить хлеб для посевной в селе Корсунское. Вот как писатель отразил это в романе «Двадцатые годы»: «Никто не спросил лишь самого Ознобишина (под таким именем Овалов вывел себя в произведении — А.П.), по силам ли ему такое задание, а сам он об этом не задумывался, раз посылают, значит, обязан выполнить...»

И Лева его выполнил, сохранив элементарные чувства порядочности и человеческого сострадания, которых никак не должно было быть у него по причине партийно-классовой.

Хлеб поручили ему раздать беднякам и нуждающимся середнякам, но, когда увидел он «землисто-белый цвет лиц, широко раскрытые глаза и бескровные губы» четырех детей кулака Борщева, бросившего свою семью на произвол судьбы, и узнал, что «в начале зимы продармейцы у них все зерно подчистую выгребли, а сейчас и картошки-то не осталось, и дети сидят голодные», то выделил им Шаповалов

.....

пять пудов ржи и три пуда овса — выдал, хотя местные активисты-партийцы сопротивлялись этому, упрекая его в нарушении классовой линии.

А Лев не только им, но и еще одной такой же голодающей семье, чей хозяин ушел с белыми (дети - то чем виноваты?) выделил зерно для посевной. Именно так, в отличие от многих других, понимал молодой коммунист партийную линию.

Будущее социалистическое общество он воспринимал прежде всего как по-настоящему человеческое. И на многих страницах романа «Двадцатые годы» мы видим подтверждение этому.

Вот едет Славушка Ознобишин в село Дросково уговаривать местного секретаря комсомольской ячейки Дарью Чевыреву не венчаться в церкви, а выйти замуж гражданским браком, а она ему: «А теперь меня послушайте насчет церкви. Я хочу, чтоб меня уважали в селе, потому что трудно бороться, не пользуясь уважением людей. А если я стану жить с мужем невенчаная, бабы начнут называть меня гулящей, в деревне не привыкли, чтоб мужик с бабой сходился просто так, без обряда... Моя бабка венчалась, мать венчалась, и я обвенчаюсь в церкви. Не потому, что верю, а чтоб люди видели, что я не для баловства иду замуж, а всерьез... сейчас это надо, потому что если какая-нибудь баба не окрестит сейчас ребенка в церкви, вся деревня будет дразнить его выблядком...»

И в конце концов, после нескольких часов споров, Ознобишин, убежденный сам во вредности религии для народа, с такими доводами комсомольского секретаря села Дросково согласился и даже убедил уездный комитет комсомола не применять к Дарье каких — либо наказаний за это, казалось бы, вопиющее нарушение норм комсомольской жизни.

Да, строительство нового общества шло, и сам Лев Шаповалов активно в этом участвовал — но никак не в ущерб другим людям. Вот за эту «мягкость», эмоциональность,

откровенность доставалось молодому коммунисту и во время работы секретарем волостной комсомольской ячейки в селе Успенское, и потом, когда он начал руководить уже комсомолом всего Малоархангельского уезда.

В романе «Двадцатые годы» у Льва Овалова действуют живые, полнокровные люди, а не советско – партийные манекены. Они страдают, любят, ненавидят, делают карьеру (очень похоже на наше ново-российское время). Именно искренностью и привлекает читателей главное произведение Орлова.

Я так подробно остановился на «Двадцатых годах» потому, что этот роман показал становление самого Льва Сергеевича – писателя – новатора и спорщика, не морализатора, но насквозь пропитанного общечеловеческой моралью.

Роман писался более полувека, и он – настоящая хроника нашей истории 20ых годов, замечательное полотно, правдиво показавшее орловскую деревню тех лет.

В Москве

Когда осенью 1923 года Лева Шаповалов уезжал в Московский государственный университет, то вряд ли предвидел, что когда — либо он напишет такой роман о своей молодости — «той светлой поре, когда человек, любой человек, избирает свой жизненный путь и вступает в борьбу за свое становление» (это слова писателя из обращения «Моему читателю» 1979 года).

Вряд ли бывший комсомольский секретарь предполагал, что покидая «благодатные поля многострадальной Орловщины», он круто изменит свою жизнь уже во время учебы. И тем не менее это случилось.

Может быть, сказались гены: два его прадеда — С.И. Баршев (по отцовской ветви) и А.Я. Кожевников (по материнской) были профессорами. Первый в 70ые годы 19 века сначала возглавлял деканат юридического факультета Московского университета, а затем стал ректором этого крупнейшего высшего учебного заведения Российской империи.

Что касается А.Я. Кожевникова, то его имя связано с формированием российской невропатологии как самостоятельной дисциплины в отечественной медицинской науке.

Лев Шаповалов поступил в Московский университет как раз на медицинский факультет и, несмотря на огромные трудности первого года (базовых знаний катастрофически не хватало), упорно грыз гранит новой для себя (но не для предков) науки.

Начало писательской карьеры

Попутно (для заработка) новоиспеченный студент начинает заведовать небольшой библиотекой при клубе грузчиков, а для души посещает занятия литературного кружка «Антенна» при Хамовническом райкоме ВКП(б).

Вскоре начинается сотрудничество молодого автора с газетами, на страницах которых и родился его псевдоним — Овалов (Лев Сергеевич просто чуть сократил свою фамилию).

В «Рабочей Москве», «Крестьянской газете», наконец, в «Правде», публикуются стихотворения Овалова, часть которых вошла в самую первую из появившихся в печати книг — «Пятеро на одних коньках». Она была издана Госиздатом в 1927ом году, когда автору исполнилось лишь 22 года.

От стихов — как «детских», так и серьезных, начинающий писатель быстро перешел к прозе: на страницах многих всесоюзных газет начинают публиковаться его публицистические материалы, репортажи, очерки.

Хорошее, бойкое, доступное для читателей перо выделило Овалова среди имен многих начинавших вместе с ним авторов. А его комсомольское прошлое, опыт партийной работы, организаторские способности способствовали назначению Льва Овалова (в 23 года!) редактором всесоюзного журнала «Селькор».

Это произошло как раз в год окончания им медицинского факультета МГУ.

В истории русской литературы достаточно много случаев, когда имевшие базовое медицинское образование деятели выбирали в конце концов основной сферой своей дея-

тельности литературу (вспомним, хотя бы, Чехова, Вересаева, Булгакова – самых выдающихся писателей, начинавших именно с врачевания).

Перед Оваловым же к 1928ому году вопрос «кем быть?» – врачом или писателем – не стоял, поскольку ответ для него был настолько ясен, что выпускник медфака МГУ даже не явился за получением собственного диплома.

Став редактором журнала и преисполненный самых честолюбивых замыслов, Лев Сергеевич садится писать повесть, которая впервые была опубликована в 1929ом году, в журнале «Октябрь» (№№4-5) под названием «Болтовня».

Написанная в достаточно необычной манере, от первого лица (а этим лицом стал 54летний рабочий - печатник Владимир Петрович Морозов), повесть в один миг превратила Овалова – журналиста в писателя Льва Овалова, которого (в духе тех, партийно - классовых дней) объявили рабочим, пришедшим в литературу (это сделали РАППовцы, представители влиятельной тогда Российской Ассоциации Пролетарских Писателей).

Читателю «Болтовни» трудно было представить себе, что автором произведения является молодой 23летний – человек, - настолько профессионально, живым, с большой долей юмора, языком, написана эта повесть. Овалов в ней, безо всякого пафоса рассказывая о строительстве нового общества от лица Владимира Петровича Морозова, довольно едко высмеивает тех, кто пристроился – прилепился к этому важному для страны делу, преследуя собственные интересы.

Чего только стоит фигура секретаря партийной организации типографии Кукушкина, по прозвищу «Кукушка», который любое собрание умудрялся превратить в формальную, пустопорожнюю «болтовню».

«...Товарищи, все должны участвовать в новом строительстве. Товарищи, мы должны бороться за свое пролетарское государство. Товарищи, совместными усилиями исправим недостатки, учтем успехи. Итак, товарищи, за строительство,» – так, кукуя, заканчивал Кукушкин одно собрание,

чтобы теми же словами начать следующее.

Именно так «Кукушки» выхолащивали до неузнаваемости тот самый социализм, в построение которого верили миллионы рабочих и крестьян, надеявшихся жить в новом, счастливом обществе.

«Болтовня» имела огромный успех среди читателей журнала «Октябрь». На следующий год она вышла отдельной книгой в издательстве «Московский рабочий», а в целом ее переиздавали пять раз в довоенный период (1930-1936 г.г.).

Пожалуй, так же ярко, только чуть раньше, в 1926ом году, начинал Михаил Шолохов с «Донскими рассказами» (да к тому же, есть нечто общее в биографиях писателей: они ровесники, оба – с 1905 года, и, несмотря на молодость, активно участвовали в событиях 20ых годов, один – на Донской, другой – на Орловской земле. Обоих в начале их творческого пути оценили и поддержали, а потом у обоих были проблемы. Шолохов оказался более везучим и дожил до Нобелевской премии по литературе только с несколькими шишками на теле своей судьбы, а вот Овалов... Впрочем, об этом речь впереди).

Довоенная жизнь Льва Сергеевича Овалова складывалась, на первый взгляд, очень благополучно. За повестью «Болтовня» последовали новые повести и романы – «Ловцы сомнений», «Утро начинается в Москве» (в двух книгах), «Здоровье», «Утренняя смена». Если прибавить сюда книги очерков и рассказов «Красное и черное», «Путь в завтрашний день», «Июль в Ойротии», «Лимонное зерно», «Поездка в Ереван», публикации в толстых литературных журналах, то, получится, что с 1929 по 1941 год произведения молодого писателя появлялись в печати практически каждый год.

И – (самое главное!) – их читали очень многие: от самых «верхов» до простых рабочих и крестьян. Да, читали тогдашних советских писателей внимательно и поправляли, если они уходили несколько в сторону от генеральной линии партии. Тем более, если писатели были такими популярными и на больших должностях, как Лев Сергеевич Овалов (после журнала «Селькор» он редактировал в «Комсо-

мольской правде», а затем занимал должности главного редактора журналов «Вокруг света» и «Молодая гвардия»).

Уже за второе свое произведение — роман «Ловцы сомнений», увидевший свет в 1931ом году, досталось Овалову по первое число: он, член партии, устами своего героя Брянцева посмел усомниться в генеральной линии ВКП(б) во время проведения коллективизации, которая была в самом разгаре.

Здесь я снова вспомню о Шолохове, которого за «Поднятую целину» тоже критиковали, а потом все-таки отстали, хотя вторую книгу Шолохов сумел напечатать лишь после смерти Сталина.

«Ловцов — же — сомнений» Овалова критика признала творческой неудачей автора, если не считать большего, и потом роман не переиздавался ни разу (один из критиков провел параллель «Ловцов» с «Бесами» Достоевского — и этого оказалось достаточно для полного забвения произведения и осуждения автора, посмеявшегося усомниться в революционной необходимости социалистического преобразования деревни).

«Ловцы сомнений» оказались первым темным облачком, появившимся на небе благополучно складывавшей творческой биографии писателя, облачком, которое в 1941ом году превратилось в огромную грозовую тучу как раз в момент наивысшего успеха, выпавшего на долю Овалова — писателя.

«Отец» майора Пронина

Рассказ о «Приключениях майора Пронина» я начну с большой цитаты из книги Николая Зеньковича «Тайны уходящего века – 2» (Москва, «Олма – Пресс», 1999), где в главе «Крестные отцы майора Пронина и Павки Корчагина» повествуется следующее: «когда он (Л. Овалов – А.П.) редактировал журнал «Молодая гвардия», то к сотрудничеству привлек Бориса Пастернака. Поэт закончил перевод «Гамлета». Овалов принял трагедию к печатанию. Отзывы были хорошие, и Лев Сергеевич распорядился щедро заплатить Пастернаку за перевод как за оригинальное произведение.

Это, разумеется, вызвало несогласие главного бухгалтера журнала. Однако последнее слово было за редактором. Главбух подчинился, но сообщил об этом в ЦК ВЛКСМ, который издавал журнал. Финансовое нарушение стоило Овалову его редакторского кресла. Он стал безработным. Средств к существованию никаких. Вот тогда и родился замысел знаменитой книги. Страдание в данном случае пробудило мысль» (Зенькович использует для написания этой главки интервью с Л. Оваловым, которое было опубликовано в «Вечерней Москве» 9 и 11 июля 1988 года; но там есть существенное дополнение – Овалов дружил с Пастернаком и помог ему, сам пострадав при этом).

Путь майора Пронина к читателям не был простым, хотя он впервые появился как персонаж на страницах журнала «Вокруг света» еще в 1939ом году – в рассказе «Синие мечи».

К первому рассказу Овалов добавил еще пять, создав первую, пожалуй, в советской литературе детективную по-

«Отец» майора Пронина

.....
весть, которую писатель предложил вначале журналу «Красная новь». Однако здесь печатать произведение такого «низкого» жанра не захотели.

Тогда Овалов отнес рукопись в руководимый В. Вишневским журнал «Знамя». Самому редактору повесть понравилась, но у цензоров из НКВД и Управления пропаганды ЦК ВКП(б) возникли серьезные возражения.

Вишневский, обладавший большим самолюбием, настойчивостью и обширными связями в партийных «верхах», достучался до самого Вячеслава Михайловича Молотова. Тот рукопись прочел, одобрил и дал разрешение на печатание.

В апрельском номере журнала «Знамя» за 1941 год все рассказы первого цикла о майоре Пронине были опубликованы, и в этом же месяце издательство «Воениздат» Народного комиссариата обороны выпустило их массовым тиражом в «Библиотечке красноармейца» (мы бы сейчас сказали – книга карманного размера, но объемом в 200 страниц, - достаточно приличная).

Такой двойной тираж «Рассказов майора Пронина» сделал имя Льва Овалова в течение месяца всенародно известным, а читатели узнали и полюбили его майора Пронина.

A236038

Арест, лагерь, ссылка

В мае 1941 года журнал «Огонек» начинает печатать новый цикл — продолжение «Рассказов» — уже «О майоре Пронине», но публикация была прервана в связи с арестом писателя 7 июля.

В том же интервью «Вечерней Москве» в июне 1988 года Лев Сергеевич так ответил на вопрос о причинах своего ареста: «Однозначно тут не ответишь. Причин было много. Во-первых, я действительно первым рискнул написать о политической разведке страны, чем и вызвал пристальное к себе внимание. Пронин настолько отличался от приспешников Берию, что уже одно это могло родить особую неприязнь ко мне...

Во-вторых, я никогда не был своим для этого ведомства. Напротив, к тому времени я уже давно был у него на особом счету. Так что арест зрел не один год».

Еще с 1931 года, по словам Льва Сергеевича, над ним нависла угроза этого, с момента публикации романа «Ловцы сомнений» (о нем мы уже говорили выше — А.П.) Разве могли блюстители сталинских порядков простить такой диалог в романе:

«Скажи — ка, товарищ, что у Вас в деревне хорошего? Хорошего? С голоду помирать скоро будем»

Все это припомнили на следствии, благо других грехов, кроме «Рассказов майора Пронина», у писателя нашлось достаточно.

Виновным себя Лев Сергеевич не признал, и, тем не менее, по статье 58-10 («Антисоветская пропаганда и агитация») ему присудили 8 лет лагерей, добавив позже еще и 7 лет ссылки.

В своих воспоминаниях Овалов признается, что арест стал неожиданным для него, хотя томившее писателя предчувствие опасности вылилось у него в повести «Голубой ангел» в виде беседы Пронина со знакомым писателем так, будто он предвидит обвинения Берии:

«А если обо всем этом написать, не скажут, что это не нужно?» — спрашивает писатель.

«Почему?» — удивился Пронин.

«Ну, скажут, что я раскрываю методы расследования, привлекаю, так сказать, внимание?» (Один из пунктов обвинения первоначально так и гласил — «Овалов раскрыл тайны советской разведки в своей повести «Рассказы майора Пронина» — А.П.)

Это прозрение будущего в той же повести «Голубой ангел» вылилось в мистическое стихотворение под таким же названием (надеюсь, читатель, ты не забыл о том, что начинал Овалов как поэт - с книги «Пятеро на одних коньках?»).

«И не в силах ему противиться
Это — мать, невеста, жена,
Нарушаем мы тайну сердца,
Называем их имена.
А утром с ужасом слышим,
Что любимых настигла смерть.
И тоска проникает в душу,
И гнетет небесная твердь.
Мы ничего не знаем,
Не видим Божьих сетей,
Не знаем, что это ангел
Уносит лучших людей...»

В лагере на Восточном Урале Лев Овалов выжил благодаря своему университетскому образованию (он-то, хоть и не получил диплом по причине вскружившей ему голову литературной славы, как - никак был врачом). Врач из числа осужденных для лагерного начальства оказался настоящей находкой: ведь хотя оно (начальство) и не ценило аре-

стантские жизни, но работать — то могли только живые и, желательно, здоровые — и в этом помощь Льва Сергеевича была существенной.

Здесь, в лагере, как и на воле, люди делились на две категории — тех, кто тебе верен всегда и до конца, и тех, кто в любой момент может тебя предать.

С предательством Лев Сергеевич столкнулся однажды там, где никак этого не ожидал.

Как многие творческие люди, Овалов был талантлив во многом. Изобразил он как-то в минуты отдыха перед своими лагерными товарищами самого Вождя в момент произнесения речи — с акцентом, с жестами. Посмеялись все над тем, как похож оказался ЗЭК Овалов на Иосифа Виссарионовича, а на следующий день об этой пародии на Вождя и Учителя уже знал начальник лагеря.

Предателем оказался бывший профессор — милый интеллигентный человек. И не избежать бы Овалову «добавки» к старому сроку за «издевательство над руководителем партии и страны», да находчивость выручила Овалова на этот раз: он изобразил Сталина еще раз — но без акцента и без жестов. И начальник лагеря в таком показе Вождя не увидел никакого издеательства, наказав за ябедничество самого доносчика.

Что касается верности... В том же лагере встретил ее Лев Сергеевич в виде молоденькой медсестры Вали, которая первое время считала всех заключенных «врагами народа», а потом увидела, что подавляющее большинство их — честные и преданные Родине люди. Писатель, первый брак которого распался по причине его ареста, и Валентина Александровна связали свою жизнь крепко и навсегда там, в заключении, хотя для медсестры это закончилось исключением из комсомола и грозило более серьезными неприятностями.

Возвращение. И снова Пронин

К полноценной жизни свободного советского гражданина вернулся Лев Сергеевич Овалов через 15 лет, в 1956ом году.

Очень обидно ему было начинать все сначала, но Овалов не пал духом, и в этом ему помог собственный персонаж — майор Пронин, хороший человек, который, прежде чем кого-то подозревать, многократно проверит свою версию.

Уже в 1957ом году Воениздат выпустил «Приключения майора Пронина», в которые вошли все три цикла о сыщике — «Рассказы майора Пронина», «Рассказы о майоре Пронине» и «Голубой ангел», а в 1958ом году журнал «Огонек» напечатал роман «Медная пуговица», где действует тот же герой (здесь он — уже наш разведчик, работающий в оккупированной фашистами Риге). Появляется Иван Пронин и в еще одном произведении Овалова — «Секретном оружии» (1963 год).

Послевоенные публикации писателя, вернувшегося из лагерей и ссылки, сохранившего оптимизм и веру в будущее и выразившего это через жизнь и деятельность сыщика и разведчика Пронина, сделали последнего невероятно популярным.

Появились в 50ые годы прошлого века многочисленные анекдоты о всевидящих глазах майора Пронина, которые следят за тобой даже в самых укромных уголках. Анекдоты, конечно, не лишены иронии, но сами по себе говорят о невероятной популярности в те годы этого персонажа.

Теперь, когда о главном герое Овалова сказано достаточно много, следует упомянуть и еще об одном моменте — историческом.

Журналистка Д. Абрамова, бравшая у Льва Сергеевича то большое интервью 1988 года для «Вечерней Москвы», говорит, как о само собой разумеющемся, что Лев Овалов, сочиняя «Рассказы майора Пронина», следовал политике тех лет, «политике всеобщей подозрительности и шпиономании, насаждаемой тогда в стране. Все плохое, все неудачное, все провалы - это от них, от врагов Советской власти. Вредители взрывают шахты, вызывают падеж поголовья птицы. Шпионы посягают на жизнь ученых, изобретателей, так как только убив патриотов, они могут завладеть их тайнами, имеющими государственное значение. И всему этому с успехом противостоит простой и скромный, добрый и веселый, умный и находчивый, смелый и решительный, а главное – принципиальный и справедливый майор Пронин».

По поводу окончания этого журналистского пассажа у меня никаких возражений нет. Пронин – он такой и есть в произведениях Овалова.

А вот насчет первой части этого же пассажа Д. Абрамовой я хотел бы поспорить.

Что ж, конечно, она была – политика подозрительности и шпиономании в СССР, и писатель вольно или невольно ей следовал – это так.

Однако давайте говорить конкретно. Что, разведка России в настоящее время и разведки других стран бездействуют? Сложили руки?

Нет – наоборот, как никогда, они активны. И мы, в наше время, когда никакой всеобщей подозрительности и шпиономании нет и в помине, тем не менее регулярно оказываемся зрителями и слушателями очередного шпионского скандала то у нас, то в какой – то другой стране (наши ловят и наших ловят – и это нормальная практика служб внешних разведок).

Историческая подоплека «Рассказов о майоре Пронине»

А теперь перейдем непосредственно к сюжетам оваловских рассказов о майоре Пронине. Внимательно, и не один раз их читая, наслаждаясь разговором и действиями легендарного сыщика и разведчика, я поймал себя на мысли — а ведь это не просто фантазия автора. Они, эти рассказы, основаны на вполне реальных событиях, причем, происходивших тогда, когда еще и не существовало той самой подозрительности и шпиономании, а была реальная борьба молодого Советского государства за выживание во враждебном, полностью капиталистическом окружении, с наличием большого количества реальных (а не выдуманных) внутренних врагов.

Сюжет первого из «Рассказов майора Пронина» основан на событиях, происходивших в Петрограде, в период подготовки наступления на него армий генерала Юденича, когда в северной столице готовилось контрреволюционное выступление, чтобы помочь белогвардейцам захватить город. Действуют в рассказе «Синие мечи» иностранный шпион Роджерс (вообще — то — это сквозной персонаж, шпион, которого майор Пронин ловит во всех первых рассказах и только в последнем, шестом, наконец — то добивается своей цели) и его пособница Борецкая.

Пронин (с помощью товарищей, конечно) разоблачает контрреволюционную организацию «Синие мечи», арестовывает Борецкую, но Роджерс успевает (он очень хитер! —А.П.) скрыться от ареста.

А вот передо мною «Красная книга ВЧК» в двух томах, изданная в 1922ом году, в которой помещены следственные материалы по делам контрреволюционных организа-

ций за 1918-1919 годы. Двухтомник был переиздан в 1989ом году Политиздатом. Из него я почерпнул следующую информацию.

В ноябре 1919 года петроградские чекисты раскрыли английскую шпионскую сеть, организатором которой был агент английской секретной службы «Интеллидженс сервис» Поль Дюкс (кличка Павел Павлович и Шеф). Этот разведчик, заброшенный в Россию еще до революции, имел большие связи среди русских, хорошо владел русским языком. После Октября он получил задание приступить к разведывательной и диверсионной работе в Советской России.

Ему удалось войти в доверие некоторых советских учреждений, создать шпионскую сеть и организовать передачу сведений в Лондон через английские консульства в Гельсингфорсе и Стокгольме.

Когда Поль Дюкс 30 августа 1919 года покинул Россию, он передал свои связи по шпионажу активистке подпольного «Национального центра» Н.В. Петровской (кличка Мария Ивановна, Мисс). Эта женщина (по профессии врач), вступившая в члены ВКП(б), активно работала в петроградском контрреволюционном подполье. Именно она координировала деятельность контрреволюционных и шпионских групп в Петрограде, поддерживая наступление войск Юденича. Кстати, на их материальную поддержку, уезжая в Англию, Дюкс обещал 500 тыс. рублей.

Думаю, почти не возникает сомнений, что Роджерс у Овалова — это и есть Поль Дюкс, умный, хитрый и ловкий враг, а Борецкая, пособница Роджерса в повести — Петровская в реальной жизни.

Во втором рассказе — «Зимние каникулы» — события развиваются вокруг советско — финской границы, через которую, тогда еще плохо охраняемую, регулярно проникали на нашу сторону незваные гости.

Тот же Поль Дюкс оба раза — и в Россию в 1918ом году, и из России в 1919 приходил и уходил этим путем (так Роджерс делает это и в рассказе «Зимние каникулы»).

В «Сказке о лживом черте» (третий из первого цикла «Рассказов майора Пронина») события разворачиваются в одном из городов Урала — Крутогорске, где Пронин разоблачает шайку вредителей, которые, договорившись через посредников с иностранцами, пытаются сделать все, чтобы передать железорудные шахты в концессию этим самым иностранцам.

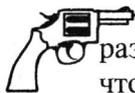
Сюжет этот был взят Оваловым из судебного процесса по делу профессора, заведующего геологоразведочной частью треста «Уралплатина» Модеста Клера, который предложил французской фирме «Эндюстриель де платин» свои услуги в деле получения концессии на платиновые рудники на Урале.

Информацию за границу Клер поставлял через французского разведчика Дюлонга. Уральское ГПУ вышло на след Модеста Клера, он был арестован и в феврале 1924 года осужден на 10 лет за экономический шпионаж.

Отчет об этом процессе был опубликован в газете «Правда» 24 февраля 1924 года. Техник Губинский в «Сказке о лживом черте» как раз полностью соответствует образу Модеста Клера. Действует здесь и иностранный связник, которого прикрывает из Москвы высокий чиновник по фамилии Базаров.

Кстати, в Сибири в 1922 года органы ГПУ раскрыли контрреволюционную группу, которой руководил бывший урядник Оренбургского казачьего войска И.Д. Жванов, изготовивший себе фальшивые документы на имя А.Ф. Базарова. Лжебазаров создал крупную контрреволюционную группу, отделения которой существовали в нескольких городах Сибири. По делу его организации было арестовано в 1922 году около 200 человек, сам Жванов — Базаров и некоторые его помощники были приговорены к расстрелу (Сообщение о процессе появилось в газете «Советская Сибирь» 20 мая 1923 года).

И даже такой экзотический эпизод из рассказа «Стакан воды», как попытка организации побега за границу на самолете, наверняка был взят Львом Оваловым из процесса по делу начальника Ораниенбаумского воздушного дивизиона Б.П. Берга, который в октябре 1919 года несколько

раз посылал летчиков дивизиона перелетать в Финляндию, чтобы передавать сведения для готовившегося наступления Юденича на Петроград. Правда, события в рассказе «Стакан воды» перенесены по времени уже в 30-ые годы, но это не меняет сути: они имеют документальную основу.

Таким образом, сюжеты для «Рассказов майора Прони-на» Овалов не выдумывал, а брал из реальной жизни, художественно их перерабатывал и превращал в детективные произведения о проникательном сыщике.

Лев Овалов, «Медная пуговица» и Никита Хрущев

В 1958ом году журнал «Огонек» (№№20–36) опубликовал новое приключенческое произведение Льва Овалова — роман «Медная пуговица». Публикацию сопровождал шумный успех — и очередные недоразумения, о которых поведал сам писатель в интервью «Вечерней Москве».

В редакцию «Огонька» позвонили из министерства культуры, от Фурцевой, с требованием немедленно прислать гранки продолжения романа. В большой тревоге все члены редакции уселись за скрупулезное чтение романа, пытаясь найти политическую ошибку, допущенную Оваловым в новом произведении (все вокруг знали, что писатель, хоть и реабилитирован, но ведь сидел же! — А.П.). Закончился весь переполох вокруг министерского звонка анекдотически: оказалось, что «Медную пуговицу» с увлечением читала дочка Фурцевой, и ей очень захотелось, не дожидаясь выхода очередных номеров журнала, узнать, чем же закончатся события в романе. Дочь попросила маму, а Екатерина Фурцева, как министр, не объясняя причин, поручила позвонить в редакцию «Огонька».

Однако этим дело не ограничилось. В том же 1958 году появилось разгромное постановление ЦК КПСС по журналу «Огонек», в котором «Медную пуговицу» назвали «случайным, не имеющим эстетической и воспитательной ценности произведением».

Как почти сразу же узнал Овалов, произошло это потому, что первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев, даже не читавший романа, походя обругал его на основании мнения своего зятя Аджубея.

Несколько раз Лев Сергеевич обращался в ЦК — и при Хрущеве, и при Брежневе (в 1966ом году) с просьбой «отменить или изменить оценку моего романа, имеющуюся в постановлении от 9 сентября 1958 года», но ответа не дождался.

Книга с романом «Медная пуговица» вышла в СССР только в 1981 году, спустя 23 года после журнальной публикации.

За это время роман успели перевести и издать почти во всех соцстранах, Греции, Индонезии, Канаде, США, по нему в Венгрии и Чехословакии были сняты многосерийные телефильмы, а на родине все ждали милостивого разрешения начальства.

Последнее из оваловских произведений, где появляется неугомонный и справедливый сыщик, вышло из печати в 1963ем году в «Молодой гвардии». Это был роман «Секретное оружие».

О написанном, опубликованном и неопубликованном.

В эти же 60ые годы возвратился наконец Лев Сергеевич к произведениям, рассказывавшим о его юности. В 1967 году появляется «Оперативная карта», а в 1968 — первая книга будущего большого романа «Двадцатые годы», полностью опубликованного в 1982ом году. Впрочем, о нем мы рассказали в самом начале заметок и поэтому повторяться не будем.

Кроме этого автобиографического произведения, Лев Сергеевич выпустил в свет еще несколько заинтересовавших читателей повестей и романов: «Партийное поручение» (1964 год), «Помни обо мне» (1966 год), «История одной судьбы» (1962 год), «Январские ночи» (1971 год).

Далеко не все, что написал за долгие годы своей творческой деятельности Лев Овалов, оказалось опубликовано. По разным причинам так и не увидели свет романы «Мечты и действительность» (первый вариант романа «Двадцатые годы») и «Девушка в кустах жимолости», повести «Ноябрьская ночь», «Семь зимних дней» и «Строгая любовь».

Остались нереализованными многие его стихотворные замыслы (к примеру, так и не издали повесть в стихах «Польнь»).

Еще в довоенное время были предложения Льву Сергеевичу о возможной постановке его произведений на театральных подмостках. Театр им. Вахтангова собирался делать спектакль по повести «Здоровье». Сам писатель написал три пьесы — «Хозяйка», «Первая любовь» и «Ответ» (первая была опубликована, а вторая и третья остались в машинописном варианте).

Совместно с Е. Шатуновским Овалов работал над либретто к двум опереттам — «Ветка сирени» и «Чужие глаза».

К сожалению, до спектаклей ни в одном случае дело так и не дошло — и это были очередные приключения оваловских произведений..

Не удалось довести до экрана и сценарии для двух художественных фильмов — «Синие мечи» и «Зина Демина». А жаль! При опытном режиссере это наверняка были бы хорошие фильмы.

Лев Сергеевич Овалов обладал простым, доступным для читателя, честным литературным языком - все его публикации подтверждают это.

По этой же причине коллеги — писатели часто просили его написать рецензию на готовившееся к печати их произведение. Лев Сергеевич, работая редактором отдела прозы, прочел сотни повестей, романов многих, известных теперь авторов. В их числе — Ю. Либединский, Ю. Казаков, В. Ардов, Л. Лагин, Ю. Нагибин, Л. Пантелеев, А. Абрамов, М. Колесников, В. Иванов, В. Вишневский.

Кстати, перу Овалова принадлежит и отзыв на книгу Александра Фадеева «Записные книжки» (как ни удивительно — отзыв отрицательный). Рецензия была написана 16 ноября 1956 года (именно в этом году Лев Сергеевич вернулся в Москву из ссылки, а Александр Фадеев застрелился).

Есть у Овалова и еще одна рецензия — на стихи Варлама Шаламова, его товарища по лагерям и ссылкам. Тоже отрицательная рецензия, написанная 2 мая 1957 г. Лев Сергеевич посчитал стихи Шаламова чересчур вычурными и манерными. Большинство рецензий так и осталось в рукописном варианте.

Кто знает, может быть, и увидит свет какая-то часть из неопубликованного Оваловского наследия (хотя я в этом сильно сомневаюсь). А вот то, что достойны переиздания на Орловщине его «Двадцатые годы» — уверен. Правда, их объем отпугнет любого издателя, который захочет получить прибыль от данной публикации.

Но — не сомневаюсь абсолютно, что изданные недавно издательством «Ad Marginem» все произведения, в которых действует сыщик Пронин, стали замечательным подарком всем ценителям творчества Овалова накануне столетия со Дня его рождения.

Как Лев Овалов о сыне генералиссимуса повесть написал

В самом начале 1935 года в город Свердловск, на Уральский завод тяжелого машиностроения, приехал в краткосрочную командировку молодой, но уже достаточно известный писатель Лев Овалов. Приехал, чтобы написать очерк.

Однако несколько дней, проведенных Оваловым в Свердловске, привели к тому, что он, изумленный и вдохновленный увиденным, решил остаться на несколько больший срок: у писателя возник замысел написания повести.

Целый год прожил здесь Овалов, день за днем изучая жизнь строителей одного из крупнейших объектов второй пятилетки. Большинство из этих молодых ребят, еще недавно малограмотных парней и девушек из глухих деревень, стали героями новой повести, вышедшей из печати в 1937 году под названием «Зина Демина».

Автор назвал произведение по имени главного персонажа, такой же молодой, как и другие, только, может быть, чуть более талантливой и целеустремленной. Овалов в лице Зины Деминой и ее товарищей показал молодую, наивную, но счастливую молодежь периода первых пятилеток, когда создавалась экономическая база быстро промышленно крепнущего Советского Союза.

Зина Демина нашла на Уралмаше не только общественное, но и личное счастье.

Она полюбила, а потом вышла замуж за китайца Чжоу, одного из тех иностранцев, кто поверил в идеалы социализма, приехал в нашу страну и активно работал на благо своей новой родины.

Правда, личное счастье героев повести оказалось недолгим. Революционера Чжоу его китайские товарищи пригласили вернуться в Китай – бороться за освобождение от контрреволюционеров, милитаристов и иностранных захватчиков.

Долг и семья оказались несовместимы. Чжоу возвратился в Китай, а его молодая жена не захотела покидать Советский Союз. Чувство патриотизма, в описании Овалова, оказалось сильнее, - оно и победило. Пути Зины Деминой и Чжоу навсегда разошлись.

Повесть «Зина Демина», увидевшая свет в трагическом 37ом году, доброжелательно была принята читателями и критикой, переиздавалась еще раз (под другим названием – «Утренняя смена»).

Однако в те годы никто из читателей не знал, с кого списывал Лев Овалов образ китайского коммуниста Чжоу.

А между тем, эта история достойна отдельного описания.

Дело в том, что прототипом Чжоу послужил сын китайского правителя 20-40ых годов двадцатого века Чан Кайши – Цзян Цзинго.

Отец в 1925ом году отправил сына на учебу в СССР, а в 1927 году совершил бонапартистский переворот, фактически став диктатором крупнейшего азиатского государства.

Цзян Цзинго в том же 1927ом году опубликовал в газете «Правда» письмо, в котором отрекся от отца: «Я знаю только революцию и готов умереть за нее. Я отвечу тебе теперь: я знаю только революцию и больше не знаю тебя как отца...»

12 лет прожил Цзян Цзинго в СССР. Он закончил Коммунистический университет трудящихся Востока, учился в военной школе и в Академии РККА имени Толмачева в Ленинграде, был секретарем комсомольской ячейки, вступил в члены ВКП(б), даже поменял свою фамилию на чисто русскую, став Николаем Владимировичем Елизаровым (за годы жизни в СССР, в отличие от других китайцев, русским языком он овладел почти в совершенстве – А.П.).

Закончив учебу, Цзян Цзинго учился жизни. Он был и

рабочим на заводе, и председателем подмосковного колхоза, а с началом строительства Уралмаша он — здесь.

Слесарь — коммунист Н.В. Елизаров стал организатором первой коммунистической штурмовой бригады на заводе. Его имя занесли в красную книгу ударников, выдвинули на пост заместителя начальника по административно — хозяйственной части механического цеха №1. Попутно он выполнял обязанности редактора газеты «За тяжелое машиностроение» (с февраля 1934 по февраль 1937 года).

Когда приехавший на Уралмаш Овалов начал сбор материалов о строителях завода, его сразу же познакомили с тем, кто по долгу службы об этих рабочих много знал и писал о них — с редактором заводской газеты Цзян Цзинго (Н.В. Елизаровым).

Весь 1935 год, что провел Лев Овалов в Свердловске, он прожил бок о бок с Цзян Цзинго в одной коммунальной квартире, узнал практически все о прошлой жизни своего нового знакомого и его жизни в СССР.

Никаких сомнений у писателя, что рядом с ним живет настоящий коммунист и патриот своей новой Родины, не было.

На глазах у Льва Сергеевича зарождалась и любовь молодой заводчанки Фаины (в повести — Зины) и редактора газеты «За тяжелое машиностроение» Н.В. Елизарова (Цзян Цзинго). Любовь, как и положено, завершилась молодежной свадьбой (в том же, 1935ом году, и Овалов был в числе приглашенных).

В 1936ом году, уже будучи в Москве и заканчивая подготовку повести к печати, Лев Сергеевич узнал, что над его главным героем сгущаются тучи, а в марте 1937 года Цзян Цзинго, попавший в ряды «врагов народа», был взят под стражу НКВД.

Казалось, его судьба и судьба его молодой жены предрешена. Однако именно в это время о собственном сыне, уже 12 лет жившем в СССР, вспомнил генералиссимус Чан Кайши.

Ссориться с правителем Китая советские власти не захотели. Цзян Цзинго был освобожден из-под стражи и дос-

тавлен в китайское посольство, где ему сообщили о просьбе отца – вернуться в Китай.

«У меня трудности – ответил Цзян, - я женился на русской девушке, и женился по любви».

Генералиссимус дал согласие на приезд сына на Родину вместе с русской женой, - и через несколько дней Цзян Цзинго и Фаина Цзянго (Елизарова) выехали в Китай.

Об этом событии узнал писатель Овалов, именно тогда в его повести завершились окончательно сюжетные линии. Но его Чжоу (в повести) уехал делать революцию один. Зина осталась в СССР.

По всей видимости, незаконный арест Цзян Цзинго органами НКВД заложил в нем основы его нелюбви к коммунизму. Возвратившись в Китай и сблизившись с отцом, он очень быстро стал ярым антисоветчиком и антикоммунистом, постепенно продвигаясь по служебной лестнице: министр обороны, заместитель премьера, премьер – министр.

Вместе с генералиссимусом Чан Кайши Цзян Цзинго оказался в 1949ом году на Тайване, а после смерти отца в 1975 году стал президентом этого непризнанного островного государства. Умер он после тяжелой болезни в январе 1988 года.

В «Российской газете» 16 декабря 2004 года была опубликована небольшая заметка «То была Фаина». Вот цитата из нее: «Вчера в главном Тайбэйском госпитале ветеранов скончалась Цзян Фанлян – в девичестве Фаина Вяхрева – вдова бывшего президента Тайваня Цзян Цзинго, невестка генералиссимуса Чан Кайши.

Она родилась в 1916ом году в Белоруссии, 1935ом году вышла замуж за сына Чан Кайши...

Фаина Цзян была очень скромной «первой леди» и всегда держалась в тени. Последние годы жизни она серьезно болела. Три ее сына умерли. Осталась дочь, которая живет с семьей в США. Есть пасынок Джон Чанг, он был в свое время министром иностранных дел Тайваня...

Лидер партии Гоминьдан Лянь Чань сказал, что «Цзян

Фанлян всю свою жизнь шла дорогой Цзян Цзинго и была ему верной опорой».

Так в реальной жизни закончилась история, которую сочинил Лев Овалов.

Сам писатель умер в 1997 году, успев узнать о смерти Цзян Цзинго, главного героя своей повести и соседа по коммунальной квартире в Свердловске, а история жизни Зины Деминой (Фаины Вяхревой) завершилась уже сейчас.

В 2005 году исполняется ровно 70 лет событиям, происходившим на заводе Уралмаш, и 100 лет – Льву Сергеевичу Овалову, русскому советскому писателю, который их описал в повести, названной именем главной героини.

И как же интересно иногда жизнь дописывает то, что сочиняет автор...

Село Успенское и Успенская волость в романе Льва Овалова «Двадцатые годы»

В очерке о жизни и творчестве Льва Сергеевича Овалова мы уже назвали знаковым, главным произведением писателя автобиографический роман «Двадцатые годы».

Появлению его предшествовала публикация в 1967 году повести «Оперативная карта».

На следующий год в издательстве «Советский писатель» вышла из печати первая книга романа «Ветер над полем». Только через 11 лет, в 1979 году, тоже издательство выпустило в свет вторую книгу, названную автором «Утренние заморозки». А в 1982 году издательство «Молодая гвардия» опубликовало обе книги романа под одной обложкой и под новым названием — «Двадцатые годы».

Краткую характеристику ему мы уже дали. В этом же материале речь пойдет о романе как историко-литературном источнике, очень точно отразившем жизнь и быт жителей села Успенское и всей Успенской волости первых лет Советской власти.

Конечно, «Двадцатые годы» — художественное произведение, и нельзя буквально, один к одному, воспринимать все происходящее на страницах романа как реальные события тех, уже давних лет.

Да и фамилии действующих в романе героев почти совсем не совпадают с именами настоящих жителей села Успенское и окрестных деревень. (Сам Овалов в предисловии ко 2ой книге романа, — «Утренние заморозки» (1979 г.) прямо подчеркнул, что имена персонажей вымышлены).

Однако Лев Сергеевич 23 февраля 1982 года, во время

встречи в Москве с работниками музея И.С. Тургенева Р. Алексиной и Л. Максимовой, тем не менее, заметил: «Фамилии я изменил, но дети героев узнали своих отцов, что-то из событий напомнили».

Это относится прежде всего к двум основным персонажам романа – директору школы Ивану Фомичу Никитину и председателю Успенского волисполкома Степану Кузьмичу Быстрову.

Заслуженный врач Российской Федерации, военный хирург, кавалер многих боевых и трудовых наград Владимир Петрович Некрасов в Иване Фомиче Никитине легко узнал своего отца – Петра Кузьмича Некрасова, который и был первым директором советской гимназии в селе Успенское.

Вот что вспомнил о нем один из его учеников Е. Корнеев (статья «Наш первый просвещенец» в газете «Сельская правда» от 15 января 1966 года):

«Петр Кузьмич Некрасов, уроженец села Успенское, закончил литературный факультет Казанского университета, но добился он этого нелегко...»

Орловские библиографы и краеведы точно вычислили настоящее имя председателя Успенского волисполкома – Вукол Кузьмич Шнырев, и Овалов признал это в предисловии к роману.

(«С.К. Быстров – это и есть В.К. Шнырев»). О третьем герое писатель рассказал сам (это Никита Ушаков, которому Лев Сергеевич оставил настоящую его фамилию).

Имели конкретных прототипов и большинство других персонажей романа «Двадцатые годы». Себя писатель вывел под фамилией Славы Ознобишина.

В отличие от героев своего главного произведения географические названия Малоархангельского уезда Овалов сохранил полностью: «... село Успенское это и есть село Успенское, речка Озерна и есть речка Озерна...».

В романе упомянуты почти все населенные пункты Успенской (иногда ее писали – Успенско-Луначарская или просто Луначарская в послереволюционные годы) волос-

ти: само село Успенское, деревни Дуровка, Бехтеевка, Семичастная, Николаевка, Журавец, Черногрязка, Самарка (Туровец). Причем, они не просто упомянуты, а исторические события происходят в них, или какие-то герои родом из названных населенных пунктов.

Особенно много места (да это и верно, поскольку главные герои живут здесь) уделено селу Успенскому. Если выбрать из романа все географические данные, то получится определенный образ красивого, в целом зажиточного села. Вот каким предстает оно в романе перед читателем.

Село Успенское рассечено оврагом, по дну которого бежит речка Озерна. На солнце золотом блестят соломенные крестьянские крыши, полыхают крашенные суриком железные. Палисадники, палисадники, на левой стороне Озерны, посреди села — новенькая белая церковь, вокруг которой серые домишки.

Тогда, в 20е годы, здесь жили священнослужители (два попа, дьяконы) и поэтому эту часть села называли Поповкой. «Умилительно открыта Поповка: если встать лицом к селу, слева от дороги — домики в заросших палисадниках, обиталище местного духовенства, справа — храм и косо, точно мост между церковью и деревней, здание церковно-приходской школы, школы 1 степени».

Под Поповкой, на Озерне — пережат, также именуемый Поповским (вообще Озерна местами глубока).

В романе перечислены, подробно охарактеризованы основные центры общественной жизни Успенского: школа 2 степени, Народный дом, волисполком, изба-читальня.

Особенно большое место в романе уделено школе, ведь в ней учатся и работают основные на первых страницах герои романа Овалова.

Белый дом за речкой Озерной — это и есть школа. В романе говорится, что до революции он принадлежал помещикам Озеровым. Мне в 1982 году ветеран войны и труда, уже умерший (в 1996 году ему исполнилось бы 100 лет) Михаил Михайлович Климов говорил, что фамилия помещика была Горовцов. Что

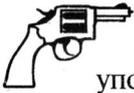

ж, это может быть, если во 2ой половине 19 века один из братьев Мащневых успел свою усадьбу продать Горовцову (документов об этом я пока не нашел), и тот стал владельцем обширного имения (в тысячу десятин) и красивого дома.

Вот его внешний вид. «Белый дом в два этажа, высокие окна, четыре колонны по фасаду и фронтон, украшенный лепными завитушками, - русский ампир начала 19 века». Перед первой мировой войной помещик, владелец имения, видно, заметно обеднел, «порастрясся». От тысячи десятин остались дом, службы и 40 десятин земли. В 16-ом году, перед самой революцией, часть его земель и дом купили местные мужики (всем обществом). Землю они поделили, а насчет дома стали решать — под школу дом или под больницу. В конце концов постановили разобрать и поделить все, вплоть до кирпичей и паркета. Ограду и конюшни разобрали, столетние липы вырубил, подобрался к дому, а тут революция. «Задаром отдали деньги. Впали мужики в каталептическое состояние, а когда пришли в себя и снова двинулись на штурм дома, подоспел Иван Фомич (Никитин — Некрасов) и наложил на дом свою руку — «в этом доме открыть деревенскую гимназию». Волисполком принял решение, и дом отдали под школу 2 ступени (среднюю, или деревенскую гимназию, как называл ее Никитин).

Мужики со зла вырубил фруктовый сад, от которого остались только обломки кирпичей каменной ограды, множество пней, яблони с обломанными ветками, обрубленная ель, две лиственницы, да очертание клумб.

В романе сказано, что с заднего фасада дом выглядел неказисто, стены пожелтели, заднее крыльцо кто-то все же успел увезти. Внутри же дома ничто не напоминало помещицье обиталище, но и школу не напоминало, какая-то первозданная пустота. Стены и потолки белым-белы, да и полы надраены, отмыты до желтого блеска (как в больнице). На втором этаже дома потолки повыше, здесь когда-то были парадные комнаты. Стоят парты в три ряда, стол для учителя, черная доска на стене.

Е. Корнеев, один из учеников тех лет (о нем выше я уже упоминал) писал, что школа начала функционировать с 1 сентября 1918 года. В первый год в ней был один (предпоследний) класс 2 ступени, а на следующий год школа была укомплектована полностью. Занималось в ней более 50 человек — старшеклассников. Преподавателей было всего пять человек. Сам Некрасов вел литературу, физику и математику. Наверное, сейчас это покажется достаточно странным — литература и точные науки в одном лице. Но Петр Кузьмич был широко образованный человек и умудрялся совместить несовместимое.

Кроме того, он оказался умелым администратором, сумев привлечь на учительскую работу всех представителей интеллигенции в селе, даже тех, кто и не собирался учить детей. И наконец, подключил и волисполком, который на содержание школы ввел налог с мужиков Успенской волости (пуд зерна со двора и по возу соломы для отопления школы).

Но поскольку зарплату ни учителям, ни директору не платили практически вообще, все они жили своим хозяйством («А я и есть кулак — говорит в романе Никитин — Некрасов, — дом, свинья, корова. Достойный объект для зависти»).

Петр Кузьмич Некрасов успевал все делать — и свое хозяйство вести, и в волисполком сходить, и на уроках вовремя быть, и дать их как следует (причем, на уроках математики и литературы он, как артист, был в разных образах).

Ученики тех лет, Иван и Николай Тимошкины, Александр Бутримов, Михаил Моисеев, Григорий Рябов, Мария Гамазова, Егор Корнеев, Лев Шаповалов запомнили своего директора и учителя на всю жизнь. Жаль только, недолгую жизнь ему довелось прожить. В 1922 году Петр Кузьмич Некрасов умер от брюшного тифа, который тогда лечить не умели.

Еще одним центром общественной жизни села Успенское был Народный дом. Так решением волисполкома был переименован дом одного из помещиков (в романе — Светлова). Дом был основательный, стоял на отлете, в версте от села. В Нардоме оказалась большая и разнообразная биб-

.....
лиотека — как из книг помещичьих усадеб, так и книг, изданных уже при Советской власти. (Тут были, к примеру, сочинения социалистов-утопистов).

Молодежь на сцене Народного дома силами тех, кто занимался в драматическом кружке, поставила несколько спектаклей, в основном по пьесам русских драматургов 19 века. Были населению Успенской волости показаны «Ревизор» Гоголя, «Горе от ума» Грибоедова, «Вишневый сад» Чехова, «Лес» и «Без вины виноватые» Островского и многие другие спектакли. Во время представлений было всегда многолюдно (приходила не только молодежь, но и пожилые крестьяне).

Конечно же, важнейшую роль в жизни волости сыграл волостной исполнительный комитет в лице его председателя Степана Кузьмича Быстрова (прообразом, как я уже писал, стал реальный председатель Вукол Кузьмич Шнырев).

Ни одно мало-мальски значительное дело в волости не обходилось без волисполкома и его председателя. Волисполком располагался в здании бывшего волостного правления, неподалеку от лавки и аккуратного домика почты.

Быстрова знали, уважали, боялись и слушались все годы беспрекословно. Он умел поставить себя, где надо — убедить, но большей частью действовал чисто административно. Правда, это иногда было на пользу делу. Так, зимой 1918 года затеяли успенские мужики передел земель, и если бы не Быстров, наверняка бы передрались. Особенно многих привлекали черноземные земли на окраине села, за Кривым логом. Каждый хотел получить себе там участок. Быстров же, явившись на крестьянское собрание, сумел быстро всех успокоить и предложил разделить и учитывая женщин (а не только мужчин, как до революции) и детей. Он же устроил самый справедливый способ дележки участков — по жеребьевке — и тут уж крестьяне не могли пожаловаться на что-то: все было честно и поровну.

Быстров же стал инициатором создания комсомольской организации в селе, предложив Славе Ознобишину (Льву Овалову) стать во главе этого дела. И вскоре, к осени 1919

года, в Успенском существовала одна из крупнейших на Орловщине комсомольских организаций.

Комсомольцы проводили работу по ликвидации неграмотности среди крестьян, вели читку литературы в помещении избы-читальни. Одна из них действовала после обычных уроков в помещении Успенской школы 2 ступени, а иногда - в избах крестьян. Для оживления чтений волисполком издал декрет, закон для Успенской волости — о конфискации граммофонов, находящихся в частном владении. Четыре граммофона зазвучали вскоре в избах-читальнях.

Активно боролись успенские крестьяне против религиозных обрядов, организовывали крестьянские комсомольские свадьбы.

Когда осенью 1919 года деникинцы заняли Малоархангельский уезд, то комсомольцы в тылу у белогвардейцев вели разведывательную работу. Сам Быстров ею руководил. Он организовал небольшой отряд, который в тылу деникинцев творил суд и расправу над теми, кто выдавал семьи красноармейцев (двоих доносчиков расстреляли).

В 1920 году представители от комсомольцев Успенской волости присутствовали на Малоархангельской уездной комсомольской конференции и были там одними из активистов.

Когда в Поволжье в 1921 году был голод, то, наряду с другими мерами Совнарком принял решение о конфискации церковных ценностей. Специальная комиссия волисполкома явилась в Успенскую церковь и забрала у отца Валерия все серебро, которое тут было, включая даже серебряную ризу с Евангелия. Набралось чуть меньше пуда серебра, которое было потом отослано в Малоархангельск.

Между тем, в 1921 году в самой Успенской волости хотя и умирали массами с голоду, но отдельные семьи сильно голодали (в романе это хорошо показано), а другие ели хлеб пополам с лебедой, горький, невкусный. Хлеб этот хрустел на зубах, но его приходилось есть за неимением другого.

В романе «Двадцатые годы» показана, даже если сам Овалов и не хотел этого, трагедия крестьянина — кулака, Павла Федоровича Астахова (под именем Астаховых в романе вы-

ведены родственники Льва Овалова по линии отчима – Дмитрия Дмитриевича Ерохина – А.П.).

Родители Астахова сумели из беднейших крестьян выбиться в зажиточные, поставили дома под железо, открыли лавку и начали покупать землю.

Сын их, Павел, хотя и не был особо грамотен, сумел и в лавке торговать с выгодой, и сада посадил четыре десятины, овес всегда выгодно продавал, даже мельницу перед войной задумал построить – и сделал это, только запустить не успел, революция случилась.

Большой дом (чистая половина из четырех комнат), громадный двор, лавка, амбары, пасака, сарай с сеном, с инвентарем, конюшня, коровник, свинарник – вот хозяйство Астахова. В основном – это дело рук его родителей и его собственных, хотя и наемные работники у него есть.

Советская власть понемногу забирала у Астахова его богатство и, когда у него отобрали мельницу, разобрав ее на составные части, увезли в Дросково, смысл жизни для Павла Федоровича кончился. Он вложил в эту мельницу всю душу, берег ее, холил – и отобрали. «Вы мне подписали смертный приговор», – сказал он новому председателю волисполкома Данилочкину. Никто в тот момент не придавал этим словам значения.

Утром следующего дня Павла Федоровича Астахова обнаружили повесившимся в помещении его мельницы.

Его хозяйство было поделено между наследниками.

Астахов был первым из кулаков, кто стал жертвой раскулачивания. Позже его участь постигла и других зажиточных крестьян. Но произошло это в конце 20-х – начале 30-х годов.

(Имя Ерохиных до сих пор сохранилось в селе Успенское и д. Дуровка. Усадьба успенского старожилы В.Ф. Казакова находится в настоящее время на том месте, где когда-то стоял дом Ерохиных. А на месте хутора Ерохиных в д. Дуровка сохранились очертания сада и колодец. Место сада и сам колодец до сих пор называют Ерохинскими. – А.П.)

Кроме села Успенского, местами действия в романе «Двадцатые годы», являются то Семичастная, через которую проходили деникинские части, то Черногрязка, не поддающаяся комсомольским призывам, то Журавец, где комсомольцы помогли солдатским вдовам распахать поля, то Дуровка, где у Астаховых был хутор с хозяйством, то Кукуевка.

Хутор Кукуевка достоин отдельного поминания, поскольку в романе на нем, в имении богачей Пенечкиных живет предволисполкома Быстров. Пенечкины же, чтобы их не раскулачили, организовали на хуторе лжекоммуну, в которой сами работали.

В реальной жизни фамилия Пенечкиных была Лисичкины, а все остальное имело место. Хутор Кукуевка стал пос. Ясная Заря, а чаще его местные до сих пор называют Коммуной.

Вот таким дом в Кукуевке был в 20-ом году. «Темноватый коридор, гостиная, как в богатых домах, портьеры, рояль, экран, пальмы в зеленой кадке — хотя все это только в одной комнате».

В этом доме, у Пенечкиных, жил Быстров — председатель волисполкома. Почему он жил здесь, у помещиков, Степан Кузьмич объяснял тем, что просторно, удобно и маскироваться помещикам труднее — они вынуждены, спасая себя, работать по настоящему — и пахать, и сеять вместе со своими бывшими батраками.

Когда в 1921 году была объявлена новая экономическая политика, Быстров ее не понял и не принял, действовал с крестьянами старыми административными мерами, за что и был снят с должности. Погиб он трагично. После его исключения из партии за неприятие партийной линии в деле НЭПа и отхода от своих товарищей Степан Кузьмич не смог пережить своего отлучения от общественной жизни и от партии, жил у себя в деревне бездеятельно и скучно. Но однажды его враги из числа обиженных им в свое время корсунских богатеев выманили его в Рогозинскую рощу, где и повесили на одном из дубов.

Один из героев романа — Ушаков Никита окончил потом в Москве институт востоковедения, уехал на препода-

вательскую деятельность в Индию, где вступил в местную компартию, участвовал в борьбе индусов за независимость. Англичане объявили его шпионом и расстреляли.

Судьба других героев, в первую очередь комсомольцев, сложилась более благополучно. Многие успенцы уехали на учебу в города, в том числе в Москву, стали видными работниками, специалистами в различных областях.

Но самым известным из всех успенцев стал, конечно же, Лев Сергеевич Овалов, русский писатель и автор-создатель образа первого советского сыщика — майора Пронина.

Заключение.

Мы помним Вас, Лев Сергеевич!

Лев Сергеевич Овалов, несмотря на выпавшие на его долю тяжелейшие испытания, несмотря на пятнадцать лагерно-ссылных лет, жизнь прожил долгую и творчески плодотворную.

Он умер 30 апреля 1997 года, оставив после себя более трех десятков повестей и романов, пятерых детей, восемь внуков и — майора Пронина.

... Передо мной на столе лежит небольшая книга с желтой обложкой, в верхней части ее, под именем автора — название — «Помни обо мне».

Что ж, мы помним Вас — Лев Сергеевич!

Вас, Ваши произведения и конечно же, майора Пронина.

Основные произведения А.С. Овалова:

Романы:

- 1) «Ловцы сомнений» (1931г.)
- 2) «Утро начинается в Москве»
(в 2-х книгах – 1934, 36г.г.)
- 3) «Медная пуговица» (1958г.)
- 4) «Секретное оружие» (1963г.)
- 5) «История одной судьбы» (1962г.)
- 6) «Двадцатые годы» (в 2-х книгах – 1968, 79, 82г.г.)

Повести:

- 1) «Болтовня» (1929г.)
- 2) «Здоровье» (1936г.)
- 3) «Зина Демина» («Утренняя смена» – 1937г.)
- 4) «Букет алых роз» (1958г.)
- 5) «Оперативная карта» (1967г.)
- 6) «Помни обо мне» (1966г.)
- 7) «Январские ночи» (1971г.)
- 8) «Приключения майора Пронины» (1941, 57г.г.)

Книги рассказов и очерков:

- 1) «Красное и черное» (1930г.)
- 2) «Путь в завтрашний день» (1931г.)
- 3) «Июль в Ойротии» (1933г.)
- 4) «Лимонное зерно» (1939г.)
- 5) «Поездка в Ереван» (1940г.)

Книга стихов – «Пятеро на одних коньках» (1927г.)

Содержание

Вступление. «Помни обо мне»	3
«Двадцатые годы»	7
В Москве	11
Начало писательской карьеры	12
«Отец» майора Пронина	16
Арест, лагерь, ссылка	18
Возвращение. И снова Пронин	21
Историческая подоплека «Рассказов о майоре Пронине»	23
Лев Овалов, «Медная пуговица» и Никита Хрущев	27
О написанном, опубликованном и неопубликованном.	29
Как Лев Овалов о сыне генералиссимуса повесть написал	31
Село Успенское и Успенская волость в романе Льва Овалова «Двадцатые годы»	36
Заключение. Мы помним Вас, Лев Сергеевич!	45
Основные произведения Л.С. Овалова:	46

Александр Полынкин
«Отец» майора Пронина
(к 100-летию со дня рождения Льва Сергеевича Овалова)

Дизайн и верстка: Двухжилов А.В.
Дизайн обложки: Сальников К.В.

Издатель Александр Воробьев
Лицензия № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Издательский Дом «ОРЛИК»
(«Орловская литература и книгоиздательство»)
г. Орел, ул. Пушкина, 20-а. Тел./факс: (0862) 76-17-15.

Подписано в печать 29.07.2005 г.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3. Формат 60x84 ¹/₁₆
Заказ №085. Тираж 500 экз.

[15-00]

